

Социальная стратификация и свобода

В период перехода от одной общественной системы к другой вопрос о свободе приобретает особую актуальность. Какой будет новая свобода на социетальном уровне? Каким социальным группам она нужна больше, каким - меньше, а каким - не нужна совсем? Какова динамика индивидуальных свобод разных социальных субъектов в новых условиях? Кто становится более, а кто - менее свободным, чем прежде? Какие факторы определяют характер "социального распределения" новой свободы в обществе - статусные? социально-психологические? или какие-то еще? Все эти вопросы приобрели особую значимость в современном российском обществе, которое, если судить по заявлениям реформаторов, призвано трансформироваться в более свободное и процветающее. Коль скоро конечная цель преобразований обозначена, то и происходящие изменения в базисных аспектах жизнедеятельности общества также целесообразно оценивать под углом зрения свободы-несвободы. Но что это значит применительно к социальной стратификации?

Феномен свободы: внутренняя и внешняя проекции

Прежде всего договоримся о терминах. Феномен свободы по природе своей весьма многогранен, а термин "свобода" от частого и разнообразного использования давно уже стал размытым и неясным. В рамках предлагаемого подхода свобода понимается как возможность субъекта выбирать и беспрепятственно реализовывать жизненно важные цели и ценности. Разумеется, это идеальное состояние, и в действительности речь идет о переходе либо одной степени социальной несвободы к другой (количественный аспект), либо от одного смыслового образа несвободы к другому (качественный аспект), либо о том и о другом одновременно.

В социологическом исследовании феномена свободы можно выделить две проекции - внутреннюю и внешнюю. В основе рассогласований между ними лежит прежде всего разный уровень осознания социальными субъектами характера и степени воздействия на них системы социальных связей, через которые они включены в общественную жизнь и взаимодействуют с другими социальными субъектами, организациями и институтами. Не менее важную роль играют доступ к информации об окружающем мире, ошибки в восприятии и осмыслении и т.д.

В рамках "*внутренней проекции*" в центре нашего внимания социальный субъект, который сам оценивает уровень и динамику своей свободы, исходя из сложившихся у него в данный момент времени жизненных целей (ценностей) и представлений о возможностях их достижения. Именно эти представления подразделяют все изменения в социальном пространстве на актуальные и неактуальные. Стадия осознания индивидом происходящих перемен и своего места в новой социальной реальности неизбежно становится центральной. Даже если его представления о динамике возможностей слабо отражают реальное состояние дел, эта "оторванность от реальности" сама выступает как реальность.

В рамках "*внешней проекции*" на первый план выдвигаются действительные изменения во взаимоотношениях социального субъекта с социальной средой, независимо от того, осознает он их или нет, актуальны они для него в данный момент времени или неактуальны. Иными словами, в этом случае мы абстрагируемся от опыта, вынесенного субъектами из своей жизни и жизни других, от социальной памяти; от неполноты информации об окружающем мире и изменениях в нем; от степени осознания перемен в социальной среде, ошибок в восприятии и др. По существу здесь акцент делается на оценке динамики свободы индивидов, исходя из изменений во внешней среде, в частности, на том, какую область *потенциальной* свободы в принципе дают социальные

системы разных типов или социальная система одного типа на разных этапах ее развития; насколько прочно эта свобода гарантируется, какими социальными институтами подкрепляется; какие ограничения при этом накладываются на индивида; какова динамика шансов на преодоление этих ограничений при тех или иных изменениях социальной системы и т.д.

Как видно, обе проекции имеют не только достоинства, но и недостатки. Поэтому остаться в рамках одной из них - значит заведомо обречь себя на неоправданно усеченные решения проблемы свободы в контексте социологии. Только объединение двух проекций дает новые перспективы для выявления динамики и “социального распределения” свободы. Внешние аспекты свободы (и их пересечение с внутренними) отчасти уже рассматривались нами ранее [1] и будут изучаться в дальнейшем. Предмет данной статьи - преимущественно внутренняя проекция свободы. Применительно к социальной стратификации это означает, что при анализе изменений в ней предполагается исходить из иерархической системы конкретных жизненных целей и ценностей разных субъектов, а также динамики возможностей их реализации в условиях социально-экономического реформирования. Следовательно, стратификационная динамика будет оцениваться, исходя не из некоторого общего, “единственно правильного” (западного) понимания свободы, а из тех конкретных смысловых образов свободы, которые сложились у *разных* социальных групп и индивидов в *данный* период в *данном* обществе. При таком подходе “неправовая”, “зависимая”, “рабская” свобода, как и другие “неправомерные” типы свободы могут оказаться объектом нашего анализа в той мере, в какой они в современных условиях присутствуют в действительности и позволяют разным социальным субъектам жить так, как они сами хотят [2].

Четыре подхода к изучению динамики стратификации в контексте свободы

Подход первый - “традиционный”, когда оценка стратификационной динамики в контексте свободы базируется на данных о ее динамике по традиционным в собственно стратификационных исследованиях “объективным” критериям (доходу, образованию, власти и т.д.). Мобильность вверх на каждой из этих осей интерпретируется как расширяющая свободу индивидов (групп), а мобильность вниз - как сужающая их социальную свободу. Такое истолкование было бы возможным лишь при соблюдении по крайней мере трех условий. Первое - стратификационные оси на самом деле значимы для всех индивидов, ибо только в этом случае они могут воздействовать на свободу всех и оцениваться в контексте всеобщей свободы. Второе - по уровню значимости, который придают этим осям разные группы, они упорядочиваются примерно одинаково. Третье - на желаемое сохранение позиции на той или иной оси или на желаемое перемещение по ней разные группы затрачивают примерно одинаковый объем усилий, так что если им и приходится отказаться от чего-то важного, то по значимости (величине) этих потерь между ними нет существенных различий.

Понятно, что на практике все эти условия невыполнимы. В самом деле, даже в стабильных обществах у индивидов (групп) нет единой точки зрения по поводу того, какие основания социальной стратификации являются наиболее важными - доход, образование, власть, стиль жизни или что-то еще. А разные исследователи придают первостепенное внимание той или иной стратификационной шкале или комбинации нескольких шкал, во многом исходя из специфики своих исследовательских посылок. Еще меньше шансов обнаружить единство во взглядах на значимые критерии стратификации в кардинально меняющемся обществе, когда теряется прежняя стабильность престижа профессий, когда одни нормы разрушились, а другие еще не установились, когда меняются значимость и “соподчиненность” разных осей стратификации, появляются новые и т.п. Таким образом, реальность такова, что те или иные оси (традиционные или новые) могут быть: а) в принципе не важны для больших групп (вообще или в данное

время); б) важны, но для разных групп в неодинаковой мере; в) важны, но не в такой степени, как другие более значимые оси, которые так и остаются вне поля зрения.

Размер “шага” на разных шкалах также нередко продукт творческого воображения. Даже когда ширина шага хорошо обоснована для целей собственно стратификационного анализа, она может быть слишком большой, чтобы оценить динамику стратификационных изменений в *контексте свободы*. Бедные могут не считать себя бедными, считать, что это не главное (“бедность - не порок”) или, улучшив свое материальное положение в рамках той же позиции, начать чувствовать себя более свободными, чем прежде.

Всё это создает серьезные ограничения в использовании традиционного подхода для оценки стратификационной *динамики в контексте свободы*. Он может сыграть полезную роль при анализе *внешней* проекции свободы, однако его продуктивность и там будет определяться качеством отбора стратификационных осей, то есть в конечном счете - факторами субъективными.

Подход второй - “свобода как критерий отбора стратификационных шкал” предполагает учет только тех стратификационных оснований, которые в данный момент времени и в данных жизненных условиях представляются разным социальным субъектам наиболее важными. Исходя из возможностей изменить или сохранить свое положение именно на этих осях, индивиды (группы) оценивают динамику своей свободы. Это их система координат, то социальное пространство, которое они “сконструировали” и в котором живут, действуют, пусть даже оно кому-то и кажется “искаженным” или “отсталым”.

Так, для одних важна свобода выезда за границу, и сегодня шансы многих попасть туда (и беспрепятственно вернуться обратно) неизмеримо возросли по сравнению с дореформенным периодом. Ослабление социального неравенства по данному основанию эти группы воспринимают как бесспорно благоприятный факт. В то же время для многих групп российского общества это новое право пока еще остается абстрактным и вовсе не актуальным. Социостратификационные передвижки на этой оси их не затрагивают и не волнуют. Что значит обретение свободы выезда за границу, скажем, для сельских жителей, если большинство из них не имеет денег даже на поездку в райцентр или близлежащий город - к врачу, родственникам, за покупками и т.д.? Не случайно возможность уехать из страны и беспрепятственно вернуться находят важным 16% опрошенных нами сельских жителей, тогда как от потери возможности поехать к родственникам, в отпуск и т.д. страдают 60% респондентов.

Политические изменения в ходе реформ позволили многим членам российского общества включиться в ранее недоступные политические структуры, и сегодня они сосуществуют “на равных” с представителями старой политической элиты, в которую в прежних условиях не попали бы из-за отсутствия связей, “солидного” возраста, партийных заслуг, политических пристрастий и прочих причин. Однако и эти изменения напрямую значимы для меньшинства, а на жизни большинства “рядовых” групп они благоприятным образом пока не сказались. Не получая заработанных денег по несколько месяцев и потеряв надежды на помощь со стороны этих “очень немногих”, они по-своему делят социальное пространство на актуальное и неактуальное. Так, расширение возможностей выбора депутатов, влияния на состояние дел в стране, в своем поселении сегодня значимы для 2-5% опрошенных нами сельских жителей, а вот расширение возможностей хорошо питаться, одеваться, хорошо зарабатывать - для 62-68%.

Оценивая динамику социальной стратификации не по всем основаниям, а только по тем, которые значимы для данных субъектов в данный момент времени, мы оказываемся ближе к оценке социостратификационных изменений в контексте свободы. Однако и недостатков у этого подхода также немало:

- поскольку между группами нет единства по поводу наиболее важных осей стратификации, то общее их число здесь сильно возрастает, что размывает картину социальной стратификации и затрудняет ее анализ;

- за пределами исследования по-прежнему остаются иерархия разных осей и межгрупповые различия по этому основанию;

- вопрос о размере “шага”, который может быть у разных субъектов разным, также остается открытым;

- по-прежнему вне поля зрения - динамика затрат на изменение (сохранение) позиции на значимых стратификационных осях и связанных с этим значимых потерь, которые могут сильно различаться у разных индивидов и групп.

В третьем подходе “свобода как измеритель стратификационной динамики” - свобода выступает не только критерием отбора значимых стратификационных осей, но и их самостоятельным измерителем. Иными словами, теперь динамика позиций индивида на значимых для него осях оценивается уже не в терминах этих шкал, а в терминах свободы-несвободы. Чем различаются два этих измерения?

Оценка динамики социальной стратификации по той или иной шкале а) в терминах “этой шкалы” и б) в терминах свободы - две разные оценки одной и той же динамики. Они базируются на разных (хотя и в ряде случаев - пересекающихся) основаниях и потому могут совпадать, а могут и не совпадать друг с другом. Если индивид сохранил свою позицию, скажем, на экономической оси социальной стратификации, однако на то, чтобы удержаться на ней, вынужден в новых условиях тратить больше сил и времени, чем прежде, то его положение на экономической оси, *оцениваемой под углом зрения свободы-несвободы*, не осталось неизменным: оно ухудшилось. Индивид стал менее свободным в этом отношении и в каких-то других отношениях тоже, ибо теперь для поддержания прежнего уровня жизни он вынужден больше трудиться, отказаться от чего-то важного для себя, изменить образ жизни и т.д.

По нашим данным, сегодня различия в этих оценках в сельской местности весьма велики. Так, 23% респондентов удалось сохранить свои позиции на экономической оси. Однако абсолютное большинство (75%) из их числа для того, чтобы удержаться на прежних позициях, сегодня вынуждены тратить больше усилий, чем до реформ. При этом у 68% респондентов жизненные возможности в значимых для них отношениях изменились в худшую сторону.

Оценка стратификационной динамики в контексте свободы здесь получается более точной, чем во втором подходе. В самом деле, ширина шага в данном случае выбирается уже самим субъектом, и у каждого она может быть своей. Придавая одному и тому же перемещению на той или иной оси разную значимость, субъекты займут и разные позиции. “Точка отсчета” тоже у каждого своя, важна она не столько сама по себе (этот аспект детально учитывается в других стратификационных подходах), сколько *направление движения из исходной позиции и степень продвижения субъекта в значимом для него направлении*.

Кроме того, в этом подходе принимаются во внимание дополнительные показатели, позволяющие оценить, во-первых, динамику затрат (усилий) субъектов на желаемое сохранение или изменение позиции на той или иной оси, во-вторых, - эффективность этих затрат, изменение числа непреодоленных трудностей и ограничений, соотношение между положительной динамикой на данной оси и вызванными ею значимыми потерями на других осях. Это позволяет приблизиться к оценке стратификационной динамики на той или иной оси в контексте *интегральной* свободы субъекта (а не его частной свободы на отдельной оси). Думается, что этот подход более пригоден для оценки стратификационной динамики сквозь призму свободы применительно к какой-нибудь конкретной социальной группе, чем многих разных групп.

Четвертый подход - “свобода как переменная социальной стратификации”. Здесь свобода выступает не только внешним измерителем движения индивидов на отдельных, значимых для них осях, но и внутренней переменной социальной стратификации, причем не простой, а интегральной.

Как *интегральная* переменная социальной стратификации свобода отражает совокупное воздействие, которое оказывают изменения позиций субъекта сразу на всех значимых для него осях, определенным образом иерархизированных им же самим - исходя из его собственных жизненных целей и ценностей, а также динамики возможностей их реализации. В результате на этой интегральной стратификационной оси разные группы распределяются в зависимости от того, расширяются или сужаются их возможности (объективные и субъективные) жить так, как они сами считают наиболее для себя подходящим. Конкретное наполнение этого “наиболее для себя подходящего” у разных субъектов разное. Однако динамики изменения возможностей его достижения во многом схожи, они иерархируются, легко размещаясь на одной оси в пространстве “лучше - хуже”. В контексте свободы оценка позиций в терминах “лучше - хуже” представляется главной, именно на ее основе строится иерархия “выше-ниже”, которая может существенно отличаться от оценок “выше-ниже” в терминах частных стратификационных осей. При этом динамика позиций на традиционных осях социальной стратификации (экономической, управленческой, профессиональной, образовательной и др.) оценивается с точки зрения того вклада, который она вносит в осуществление желательного перемещения на интегральной оси. Впрочем, в ряде случаев та или иная частная ось может становиться целевой и целиком поглощать интегральную.

При относительной простоте и обзримости картины этот подход тоже не лишен недостатков. Качественный состав и иерархия отдельных осей чаще всего находятся в поле зрения только субъекта, для исследователя же они остаются за кадром. На интегральную оценку динамики свободы прямо или косвенно могут оказывать воздействие нестратификационные факторы, которые не всегда легко отделить от стратификационных. К тому же субъекты сами не всегда могут достаточно полно обозначить всё пространство социостратификационных факторов, влияющих на динамику их свободы.

Выбор конкретного подхода зависит от целей того или иного исследования и имеющихся возможностей. Поскольку на данном этапе акцент делается на субъективных аспектах свободы, то в реализуемом подходе сочетаются третий и четвертый подходы.

Достоинства этого способа изучения динамики социальной стратификации определяются прежде всего особенностями свободы как отдельной переменной социальной стратификации. Что же это за особенности? И каковы взаимосвязи свободы с другими стратификационными переменными?

Место свободы среди переменных социальной стратификации

Свобода выступает такой стратификационной переменной, которая: - обладает для индивидов (групп) наиболее сильной субъективной значимостью в данный момент времени;

- позволяет учесть иерархию частных осей социальной стратификации и оценить последнюю под этим интегральным углом зрения;

- дает возможность учесть воздействие латентных оснований социальной стратификации;

- помогает своевременно выявлять новые основания социальной стратификации, значимые для тех или иных общественных групп;

- с большей вероятностью снижает разрыв между объективными основаниями стратификации и теми ее субъективными оценками, которые уже стали элементами социальной реальности, однако по-прежнему игнорируются исследователями;

- содержит элемент не только настоящего, но и прошлого и ожидаемого будущего, - причем не только своего, но и значимых других.

Из сказанного выше можно заключить, что среди стратификационных переменных свобода не является независимой переменной. Чаще всего она представляет собой

комбинацию нескольких стратификационных измерений - явных и латентных; объективных и субъективных; характеризующих уже реализуемые субъектом возможности тех или иных социальных позиций и отражающих ожидаемый потенциал этих позиций т.д. Точнее говоря, свобода выступает неким интегрированным итогом одновременного воздействия не всех, а только значимых для данных субъектов в данный момент времени стратификационных переменных, которые, кроме того, иерархизированы самими же социальными субъектами.

Это определяет характер соотношения свободы с другими (частными) стратификационными переменными, которые чаще всего встречаются в социологических исследованиях, а именно: с доходом и богатством, степенью власти и могущества, образованием, престижем профессий. Некоторые исследователи добавляют сюда ранжирование по родственному или этническому признаку [3], перспективы социального продвижения, “обещаемые” данной позицией [4;5], условия труда, свободное время [5] и др. Впрочем, состав стратификационных переменных не имеет значения, важно только, что в реализуемом подходе все они соотносятся со свободой как определенным образом взвешенные части с целым.

В таком же соотношении находится свобода и с более сложными (комплексными) стратификационными переменными, которые по своей природе отражают совокупное воздействие нескольких частных переменных. В первую очередь сюда, по-видимому, следует отнести стиль жизни, который “складывается из таких поступков людей и таких предметов собственности, которые истолковываются ими самими и окружающими как показатели или символы положения, занимаемого в той или иной стратификационной структуре” [3]. Поскольку в стратификационных исследованиях стиль жизни чаще всего рассматривается как некий способ самовыражения индивидов, демонстрируемый с целью самоидентификации с той или иной социальной группой, то перемены в нем (или отсутствие таковых) сами нуждаются в оценке в контексте свободы-несвободы.

В самом деле, переход от одного стиля жизни к другому (как и следование прежнему стилю жизни) для одних весьма желательно, для других - менее желательно, для третьих не желательно совсем. Изменение или сохранение того или иного стиля жизни может быть добровольным в одних отношениях и вынужденным в других (например, потеря работы, проживание в селе или небольшом монофункциональном городке из-за невозможности переехать в крупный город и т.д.). К тому же разные компоненты стиля жизни обладают разной значимостью для индивидов, и соответственно отказ от них по-разному воздействует на изменение уровня свободы. Ясно одно: чего больше в переходе к новому стилю жизни (или следовании старому) - добровольного или вынужденного - из самой категории “стиль жизни” понять нельзя.

Уровень свободы социальных субъектов может меняться в рамках одного и того же стиля жизни, в частности, в связи с изменением системы жизненных целей и ценностей - что устраивало вчера, перестало устраивать сегодня, а на изменение социальной позиции нет ни сил, ни ресурсов. Кроме того, социальная среда может измениться таким образом, что на поддержание прежнего стиля жизни требуется теперь больше (или меньше) усилий, чем прежде.

Свобода как стратификационная переменная по природе своей динамична: в каждый момент времени она отражает *динамику* соотношения значимых для субъекта результатов его жизнедеятельности (объективных и субъективных, достигнутых и ожидаемых) с требуемыми усилиями (затраченными и предполагаемыми) на их достижение, включая значимые потери. В отличие от нее “стиль жизни” как стратификационная переменная отражает преимущественно уже нечто достигнутое, “уловимое”, устойчиво проявляющееся в каких-то видимых типах поведения.

Отражая изменения в жизненно важных для тех или иных социальных субъектов отношениях, свобода охватывает перемены не только у них, но и у значимых других - детей, родителей, внуков, друзей, а также тех или иных сообществ, с которыми субъекты

себя идентифицируют и чьи проблемы воспринимают наиболее болезненно. В результате индивиды могут фиксировать ухудшение своего положения на всех традиционных (и значимых для них) осях стратификации, но вместе с тем осознавать, что происходящие в обществе изменения благоприятно скажутся на жизни их детей или внуков. Этот “плюс” способен перевесить многие значимые “минусы”, так что на интегральной оси свободы динамика может вообще сменить знак на противоположный.

Свобода выбора - прежде всего в “поворотных” жизненных точках (выбор профессии, учебного заведения, места работы, места жительства и т.д.) - впоследствии играет существенную роль в формировании того или иного стиля жизни. Поэтому переменные “стиль жизни” и “свобода” не являются взаимозаменяемыми и в этом важном отношении тоже.

Пожалуй, ближе стоит к свободе “стиль жизни” в том понимании, какое в него вкладывается не в стратификационных исследованиях, а в исследованиях образа жизни. Именно в них стиль жизни акцентирует внимание на индивидуальных социально-психологических особенностях поведения социальных субъектов и трактуется как “определенный тип поведения личности или группы людей, фиксирующий устойчиво воспроизводимые черты, манеры, привычки, вкусы, склонности... ценностные предпочтения и т.д. [6]. В этом смысле “стиль жизни”, как и свобода, всегда значим для индивидов, хотя все перечисленные выше различия между ними сохраняются. Добавим, что, улавливая *реализуемые* ценностные предпочтения, *реализуемые* привычки и прочее, стиль жизни фиксирует только часть значимого для индивидов - то, что им в той или иной мере уже удастся реализовать. Вне поля зрения - динамика затрат (усилий), а также значимых потерь. Вне поля зрения - и то значимое, которое реализовать не удастся. Таким образом, в этом случае переменная “стиль жизни” тоже требует оценки в контексте свободы-несвободы.

Изменения в пространстве стратификационных осей

Свобода становится не просто еще одной осью стратификации, дополняющей старые оси - простые и комплексные. Войдя в стратификационное пространство, она одним своим присутствием изменяет его. Поскольку пространство частных осей теперь включает только те из них, которые сами субъекты в данных жизненных обстоятельствах ценят более всего и неравенство по которым воспринимается ими наиболее остро, оно становится более многообразным и менее стабильным, чем в традиционном стратификационном анализе. В зависимости от системы жизненных ценностей и потребностей тех или иных социальных субъектов одни оси остаются актуальными в течение неопределенно длительного времени, и восходящая мобильность на интегральной оси свободы непременно предполагает восходящую мобильность или сохранение статуса на этих осях. Другие оси включаются в актуальное жизненное пространство субъектов на менее продолжительный срок; третьи, напротив, навсегда исключаются из него или на время переходят “во второй эшелон”. Можно назвать по крайней мере три отличительных особенности стратификационного пространства, рассматриваемого сквозь призму свободы.

Первая состоит в расширении числа шкал в традиционном стратификационном пространстве, в том числе и вследствие смены акцентов в нем в условиях общественных перемен. Прежде всего это, по-видимому, касается профессиональной и управленческой осей, хотя, разумеется, не только их. В самом деле, в меняющемся обществе, когда у разных групп сильнее, чем прежде, различаются представления о престиже тех или иных профессий, оценка сквозь призму свободы динамики их позиций на профессиональной оси становится более точной, если исходить из изменений в возможностях работать по той профессии (специальности), которую индивиды сами рассматривают как более для себя подходящую. Конечно, в своем выборе кто-то из них учитывает прежний престиж этой профессии, а кто-то - ее новый престиж. Однако многие руководствуются иными

соображениями. Те, кто находит возможность работать по той или иной профессии (специальности), значимой для себя, но ухудшил свои позиции и в этом отношении, будет оценивать мобильность на профессиональной оси как нисходящую, даже если какие-то группы будут рассматривать ее как восходящую или нейтральную.

Другую профессиональную ось, значимость которой в стратификационном пространстве в условиях реформ все более возрастает, назовем осью профессионально-трудовой самореализации. Возможность реализовать свои способности, работать в полную силу была актуальна и нередко трудно выполнима и прежде. Однако за годы реформ многие свои позиции на этой шкале ухудшили. Некоторые вообще лишились работы, и для них мир делится на имеющих работу и безработных, а личная динамика на оси профессионально-трудовой самореализации оценивается с точки зрения наличия какой бы то ни было работы вообще.

Аналогично меняются акценты и на управленческой оси, когда она оценивается в контексте свободы-несвободы. Для многих важно не столько деление на руководителей и подчиненных, сколько динамика защищенности рядовых групп от своевольных действий власти имущих, включая изменения в “протестном потенциале” рядовых позиций. Та или иная степень неравенства на оси управления может уже не восприниматься как чрезмерная, если ее оценивать в терминах свободы-несвободы. Как показали данные наших обследований в сибирском селе, в современных условиях немало тех, кто гораздо лучше достигает своих жизненно важных целей в условиях большей зависимости, а не независимости от местных руководителей. Поэтому само по себе деление на руководителей и подчиненных зачастую не расценивается ими как ущемляющее их свободу [2]. А вот что здесь действительно рассматривается значимым, так это незащищенность от своеволия руководителей разных уровней, сохраняющаяся (и даже усиливающаяся) опасность открытого противодействия несправедливым действиям властей даже тогда, когда наблюдается явное отклонение реально реализуемых ими ролей от формально за ними закрепленных.

Вторая особенность состоит в том, что взгляд на стратификационное пространство сквозь призму свободы расширяет число значимых осей не только в традиционной для стратификационного анализа плоскости, но и в плоскости нетрадиционной. Появление новых осей в этом случае обусловлено прежде всего тем, что оценка стратификационной динамики в *контексте свободы* по природе своей предполагает оценку с точки зрения не только неких уже сформировавшихся структур, но и структур “подвижных”, постоянно меняющихся, с точки зрения изменений в возможностях *социального действия* разных групп. Причем не всякого действия, а только такого, которое осуществляется в значимых для индивидов направлениях и предпочтительными (или, как минимум, допускаемыми ими) способами. В связи с этим важное значение приобретает, в частности, социальное неравенство по объему усилий и препятствий, которые нужно преодолеть разным группам, чтобы воспользоваться теми или иными провозглашенными правами и занять желаемую социальную позицию. Принципиальную значимость обретает и ось самостоятельности, отражающая неравенство и динамику возможностей занять такие позиции в обществе, которые в большей мере допускают действия по собственной инициативе и на основе собственных сил во всех значимых отношениях.

Кроме того, появление новых значимых осей обусловлено тем, что оценка динамики социальной стратификации в контексте свободы предполагает учет не только текущего положения на разных позициях, но и потенциала последних - перспектив продвижения в актуальных для индивидов отношениях или сохранения достигнутых благоприятных позиций. В этом смысле самостоятельное значение приобретает динамика позиций и степень социального неравенства на таких комплексных осях, как ось стабильности, дающей уверенность в завтрашнем дне, ось безопасности и т.д.

Наконец, оценка стратификационной динамики в контексте свободы прямо или косвенно предполагает изменение позиций не только данного индивида, но и значимых

других, что может актуализировать значимость тех осей стратификации, которые определяют перспективы именно этих других.

Третья особенность стратификационного пространства, рассматриваемого сквозь призму свободы, состоит в реализации принципа его иерархичности. По уровню значимости все оси в каждый момент времени делятся, как минимум, на три группы: те, которые наиболее значимы для данных индивидов (групп) в данных жизненных условиях и которые тем самым в наибольшей мере воздействуют на характер их мобильности на интегральной оси свободы; те, которые в принципе важны, но по уровню значимости сегодня располагаются во втором эшелоне”, и те, которые вообще не значимы, не осознаются, не воспринимаются таковыми, хотя в действительности могут оказывать существенное воздействие на динамику свободы индивидов.

Вопрос о составе стратификационных шкал в контексте свободы в эмпирическом отношении остается по сути дела открытым. И не только потому, что мы располагаем данными только по сельской местности. Этот вопрос, по-видимому, пока вообще не может быть закрыт: ведь пространство социальных возможностей и неравенств, а также ценностные предпочтения индивидов постоянно меняются, особенно в нестабильном обществе. И все же о чем свидетельствуют эмпирические данные?

Динамика социальной стратификации в контексте свободы: современные особенности

За годы реформ динамика социальной стратификации сельского населения в контексте свободы складывалась неблагоприятно: абсолютное большинство респондентов (68%-73%) ухудшили свои позиции на интегральной оси свободы и сегодня имеют гораздо меньше возможностей жить так, как считает более подходящим для себя. Восходящая мобильность в важных для них отношениях наблюдалась в 2,8 - 10 раз реже, чем нисходящая: в итоге в разных сельских районах на нее указали от 7% до 24% респондентов. Максимальная доля относится не ко всему населению, а только к трудоспособной его части: сравнительно многочисленная в селе группа пенсионеров, которые в большинстве своем за годы реформ ухудшили позиции на оси свободы, тогда не опрашивалась. Другая причина столь сильных межрайонных различий связана с воздействием факторов не столько социально-экономических и политических, сколько экономико-географических (близость к озерам, где можно ловить рыбу; к железной дороге, облегчающая доступ к городам и другим поселениям, и др.). И хотя столь высокий удельный вес “восходящей” на интегральной оси свободы группы нельзя назвать типичным для сибирских сельских районов, в дальнейшем мы будем иметь в виду именно эту группу, поскольку в остальных сельских районах “восходящие” группы настолько малы, что не пригодны для более детального анализа по причине несоответствия критерию статистической значимости.

Как показало обследование, по динамике затрачиваемых усилий в новых условиях, по сравнению со старыми, между “восходящей” и “нисходящей” группами сегодня больше сходств, чем отличий. Свыше 50% респондентов из каждой группы стали больше работать в личном подсобном хозяйстве; некоторым, несмотря на ограниченные возможности занятости в селе, удается больше трудиться на дополнительной работе. Разница лишь в том, что если “нисходящие” чаще увеличивали свои затраты на основной работе (37% против 31%), то “восходящие”, напротив, - на дополнительной (11% против 4%). В целом абсолютное большинство и “нисходящих”, и “восходящих” (92% и 78%) считают, что сейчас нужно затрачивать больше усилий, чем до реформ, даже на то, чтобы жить так, как в то время.

Еще одно сходство состоит в том, что число жизненных препятствий, за годы реформ в большинстве случаев увеличилось. На это указали соответственно 88% и 79% представителей “нисходящей” и “восходящей” групп. В этом смысле, как для тех, так и для других социальное пространство на селе стало менее беспрепятственным, чем до

реформ. Чем же тогда обусловлена различная динамика их мобильности на интегральной оси свободы? Можно назвать несколько факторов.

Первый связан с межгрупповыми различиями в пространстве наиболее значимых стратификационных осей, а также с различной динамикой на тех осях, которые ценят в обеих группах.

Как показало обследование, по поводу состава четырех самых значимых шкал нет внутригруппового единства ни в первом, ни во втором случае. Только материальная ось набрала более половины голосов, но и ее преобладание далеко от безусловного (63% и 57% соответственно в “нисходящей” и в “восходящей” группах). Тем не менее на первых пяти-шести местах оказались одни и те же наиболее значимые оси. Чаще других называлась возможность работать по подходящей профессии, специальности (46% и 48%), получить (или дать детям) хорошее образование (44% и 35%), занять (сохранить) такие позиции в обществе, которые предполагают самостоятельность, возможность “быть хозяином своей судьбы” (32% и 44%), стабильность жизненных позиций, дающая уверенность в завтрашнем дне (по 29% в каждой группе), возможность работать в полную силу, реализовать способности (23% и 25%) и т.д.

Остальные оси набрали меньшее число голосов, но межгрупповые различия по ним были порой весьма существенными. В целом можно заключить, что, оценивая динамику своей свободы на интегральной оси, “нисходящая” группа относительно чаще принимает во внимание изменение позиций на экономической и образовательной осях (в 1,1-1,3 раза), а также на оси безопасности (в 1,4 раза), в то время как “восходящая” группа гораздо чаще придает значимость жизненной динамике на осях самостоятельности (в 1,4 раза), независимости от своеволия управленческих групп, возможности противодействовать их несправедливым действиям (в 2,1 раза), а также открыто отстаивать свои взгляды, убеждения (в 2,5 раза). Примерно с одинаковой частотой обе группы принимают во внимание изменение своих позиций на осях профессионально-трудовых (возможности работать по подходящей профессии, работать в полную силу), миграционных (возможности уехать из поселения “насовсем”, возможность регулярных маятниковых поездок и т.д.), а также на оси отдыха.

Как же за годы реформ складывалась динамика позиций групп на тех частных осях, которые они находят наиболее значимыми? В обеих группах наблюдались и взлеты, и падения в значимых для индивидов отношениях. Однако если в “нисходящей” группе на каждый взлет в среднем приходилось 3,8 падений, то в “восходящей” их число примерно совпадало. Положительная динамика свободы “восходящей” группы на интегральной оси связана с тем, что при совпадении общего числа взлетов и падений на значимых осях, по наиболее важным из них динамика была все же благоприятной. Это обусловлено положительными перемещениями на экономической оси (51% индивидов из “восходящей” группы заняли более высокую позицию, а 24% - удалось сохранить прежнюю), равно как и на оси самостоятельности (54% и 36% соответственно). Благоприятной была и динамика в отношении реализации трудового потенциала (42% заняли позиции, в большей мере позволяющие работать в полную силу, а 45% - в новых условиях сохранили такие позиции). Кроме того, абсолютное большинство представителей “восходящей” группы (81%) улучшили значимые для них возможности открыто отстаивать свои взгляды, убеждения, и никто своих позиций в этом отношении не ухудшил.

На остальных значимых осях и в “восходящей” группе преобладала нисходящая мобильность. Среди наиболее “массовых” осей с отрицательной динамикой - профессиональная, образовательная и ось стабильности жизненных позиций. Только 53% респондентов из “восходящей” группы в новых условиях удалось сохранить очень важную для них возможность работать по подходящей профессии (специальности), в то время как 40% - ухудшили свои позиции. В результате на каждый взлет в среднем приходилось 5,3 падения. Еще более неблагоприятной была динамика на образовательной

оси, где большинство (61%) респондентов из “восходящей” группы ухудшили очень значимые для них позиции (собственные или своих детей). На восходящую мобильность на этой оси указали лишь 16% респондентов. На оси стабильности жизненных позиций соотношение между долей переместившихся вниз и вверх составило соответственно 66% и 24%, кто считает эту ось очень важной.

Поскольку наиболее массовые из значимых потерь сегодня происходят на этих осях, то именно они, по-видимому, будут оказывать наибольшее воздействие на дальнейшую положительную динамику на оси свободы “восходящей” группы.

А вот в “нисходящей” группе наблюдалась мобильность вниз по существу на всех наиболее значимых частных осях. Исключение составила лишь средняя по наполненности (32%) ось самостоятельности, где число падений совпало с числом взлетов, а также слабо наполненная (7%) возможность отстаивать свои взгляды, убеждения, где наблюдалось больше взлетов, чем падений. Нисходящая мобильность на интегральной оси свободы была вызвана прежде всего ухудшением позиций на экономической оси. На это указали 74% респондентов из “нисходящей” группы, для которых экономическая ось - одна из самых значимых. Доля переместившихся в противоположном направлении в 6 раз ниже. На втором месте - образовательная и профессиональная оси. На оси образования мобильность вниз наблюдалась у 64% представителей “нисходящей” группы из числа тех, кто находит эту ось очень важной. Доля переместившихся вверх на этой оси в 3,8 раза ниже. На профессиональной оси на каждый взлет приходилось три падения, а на оси стабильности - 10 падений.

Таким образом, разная динамика на интегральной оси свободы связана как с межгрупповыми различиями в пространстве значимого, так и с разной динамикой на тех осях, которые ценят как те, так и другие. Почему же возросшие усилия “нисходящей” и “восходящей” групп приводят к мобильности в прямо противоположных направлениях на тех осях, которые обе группы находят значимыми?

Второй фактор межгрупповых различий в динамике на интегральной оси свободы как раз и состоит в том, что важен не столько рост объема усилий, сколько сфера, в которой они реализуются. Большинство “нисходящих” (60%) занято на предприятиях сельского хозяйства (против 47% среди работающих “восходящих”). А вот занятых в непроизводственной сфере (здравоохранении, образовании, культуре) в “нисходящей” группе намного меньше (15% против 25%). Как известно, заработная плата в сельском хозяйстве устойчиво занимает одно из последних мест и устойчиво лидирует по продолжительности задержек с ее выплатой, которые в разных районах достигали от полугода до 1-2 лет. В бюджетных отраслях заработная плата, хотя тоже невелика, но в среднем выше и выплачивается с меньшими задержками, что ставит занятых на них в относительно более благоприятное положение.

Социально-отраслевые различия дополняются различиями социально-должностными и профессиональными. В “нисходящей” группе почти в 2 раза ниже доля специалистов с высшим образованием (12% против 23%), а доля рабочих гораздо выше (58% против 47%). Наиболее сильны межгрупповые различия по рабочим сельского хозяйства (36% против 25%). Мобильность вниз на интегральной оси свободы наблюдается почти у всех доярок (95%), у большинства телятниц и скотников (78%). У трактористов, комбайнеров, механизаторов удельный вес этой группы, хотя и высок, но гораздо ниже, чем у остальных групп сельскохозяйственных рабочих (62%). Наименьшая же доля “нисходящих” - среди шоферов и других рабочих транспорта (47%). Среди них и больше тех, кто сумел сохранить прежние позиции на интегральной оси свободы (26% против 5% по массиву в целом), что вполне объяснимо, если принять во внимание относительно более высокие возможности для заработков, которыми всегда располагали представители этой профессии.

В целом следует признать воздействие социально-профессиональной оси на динамику интегральной свободы преимущественно отрицательным, прямо и косвенно

определяемым политикой государства и пока мало поддающимся изменению силами самих сельских жителей.

Третья группа факторов связана с межгрупповыми различиями в возрастном и образовательном составе, которые повышают адаптационные способности “восходящих”. Почти половина из их числа - молодежь (до 30 лет), по доле которой она в 1,7 раза превосходит “нисходящую” на оси свободы группу (49% против 29%). Социализация многих из них пришлась на годы перестройки и реформ (“нам не с чем сравнивать”), жизненные принципы более гибкие, а вера в свои силы и надежда на благоприятную жизненную динамику - более сильная. Не случайно почти половина представителей “восходящей” группы, будь у нее выбор, предпочла бы не небольшой гарантированный заработок, а высокие доходы, хотя и с риском для себя; работу на частном предприятии (против 23-24% у “нисходящих”). Более высокий уровень профессионального образования “восходящих” (36% окончили техникумы и вузы, 21% - ПТУ со средним образованием против 24% и 12% у “нисходящих”) также облегчает поиск (сохранение) “социальной ниши” в меняющейся среде, содействует более глубокой рефлексии происходящего и перспектив социального продвижения в новых условиях.

Четвертая группа факторов, как и первая, лежит в сфере ценностно-нормативной, но проявляется уже не на стадии отбора значимых осей, а на стадии выбора предпочтительных способов социального действия по изменению (сохранению) позиций на них. Так, несмотря на рост объема и снижение результативности затрачиваемых усилий у обеих групп, большая часть представителей “восходящей” группы тем не менее находит новые ограничители своей свободы более легко преодолимыми, чем дореформенные (39% против 6% у “нисходящих”). Это происходит во многом из-за того, что новые ограничители предполагают и новые свободы, которые в большей мере отвечают ценностным ориентациям индивидов. Так, те из них, кто ценит самостоятельность и независимость, рассматривают способы действий, их допускающие, как более предпочтительные и легкие (по сравнению со способами, которые их допускают в меньшей степени) даже тогда, когда они относительно более трудоемки. Менее законопослушные отдают предпочтение современным условиям, так как они расширяют возможности для безнаказанных противозаконных действий, и т.д.

В основу благоприятной стратификационной динамики “восходящие” чаще всего кладут обладание положительными социальными качествами: так, по мнению 40% из них, в новых условиях больше возможностей улучшить свою жизнь получили те, кто “умеет и хочет работать”, “энергичен”, “способен на риск”, “больше работает” и т.п. Среди “нисходящих” на этот фактор указали лишь 10%. Последним вообще положительная стратификационная динамика в современных условиях гораздо чаще представляется мало зависящей от интенсивных трудовых усилий, отталкивающей, не заслуживающей одобрения (сегодня выигрывает тот, кто “занимается преступной деятельностью”, “больше крадет”, “рвачи, ловкачи, а не люди с моралью и совестью”, “спекулянты”).

Принимая во внимание совокупное воздействие всех описанных выше факторов на мобильность на интегральной оси свободы, можно с большой вероятностью предположить, что в будущем (при сохранении нынешней государственной политики по отношению к селу) “восходящая” группа возрастет не будет. В большинстве других сельских районов Сибири доля “нисходящей” на интегральной оси свободы группы и сейчас намного ниже, а если учесть лиц пенсионного возраста, она существенно ниже и в данном сельском районе. “Нисходящая” на оси свободы группа пока преобладает почти во всех социальных группах, по какому бы признаку (на какой бы оси) они ни рассматривались. Совокупный вклад каждой из частных (и значимых для сельских жителей) осей в динамику интегральной оси сегодня чаще всего отрицательный, а потому здесь с большим преобладанием лидирует мобильность вниз.

Будучи продуктом совокупного действия всех значимых для данных индивидов (групп) осей, ось свободы не повторяет динамику ни на одной из них. В то же время она

“размывает” традиционные социальные группы, по какому бы основанию они ни выделялись. Как в “восходящую”, так и в “нисходящую” группы входят и молодые, и пожилые; и руководители, и рядовые; и высокодоходные, и низкодоходные; и образованные и малообразованные. Разумеется, различия между “традиционными” социальными группами по характеру мобильности на интегральной оси свободы порой весьма существенны. Но ни одна из них не играет доминирующей роли в воссоздании социального портрета “восходящей” или “нисходящей” на оси свободы группы. Возможно, такое смешение затрудняет анализ стратификационной динамики в каких-то других отношениях, но я и не берусь утверждать, что представленный здесь подход является универсальным или самым лучшим.

У данного подхода свое назначение - он позволяет оценивать динамику социальной стратификации с точки зрения одного из важнейших (но все же *одного* из) критериев общественного развития, каким является переход к более свободному обществу, обществу, в котором все больше и больше индивидов (групп) получают возможность развиваться по законам своей собственной жизнедеятельности. Дальнейшая разработка представленного подхода может, на мой взгляд, дать важную *дополнительную* перспективу для углубления знания о современной социальной стратификации и может способствовать как новым теоретическим поискам, так и новым эмпирическим исследованиям в этом направлении.

Литература

1. *Шабанова М.А.* Институционально-правовая свобода в меняющемся обществе // Полис. 1996. № 6; *Шабанова М.А.* Новая свобода на селе: проблемы институционализации и интернализации // Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений / Под ред. З.И.Калугиной. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1996. С. 3-32.
2. *Шабанова М.А.* Свобода и независимость в меняющемся обществе: социолого-экономический аспект // Социологический журнал. 1996. № 3/4. С. 84-98.
3. *Барбер Б.* Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности // Американская социология / Пер. с англ. В.В.Воронина и Е.Е. Зиньковского. М.: Прогресс, 1972. С. 235-247.
4. *Stewart A., Prandy K., Blacburn R.* Social Stratification and Occupations. London: Macmillan, 1980. P. 172, 197.
5. *Ильин В.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917-1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, Институт социологии РАН, 1996. С. 16.
6. Краткий словарь по социологии / Под общ. ред. Д.М.Гвишиани, Н.И.Лапина; Сост. Э.М.Коржева, Н.Ф.Наумова. М.: Политиздат, 1988. С. 389-390.